

УДК 911.7(477.75) + 81'286 + 14 + 94(470)

Е. Е. Приказчикова

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ ПУТЕШЕСТВИЯ
ЕКАТЕРИНЫ II В ТАВРИДУ 1787 Г. В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УТОПИЗМА XVIII СТОЛЕТИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРНО-ЭПИСТОЛЯРНЫХ ИСТОЧНИКОВ)**

В статье рассматриваются две мифологические проекции путешествия императрицы Екатерины II в Крым (Крым как античная Таврида; Крым как эдемский сад), рассмотренные в контексте государственного утопизма XVIII столетия. Материалом для исследования послужила мемуарная и эпистолярная литература авторов-участников путешествия (Екатерина II, Г. А. Потемкин, граф Л.-Ф. Сегюр, принц К.-Г. Нессау-Зиген, граф К. фон Людольф, Д. Гаррис лорд Мальмсбери, Ш. Массон).

Ключевые слова: путешествие Екатерины II в Тавриду; мифологические проекции; государственный утопизм; мемуарно-эпистолярные источники.

«XVIII столетие... по праву именуется “золотым веком утопии”, — писали Д. В. Устинов и А. Ю. Веселова [Устинов, Веселова, с. 78]. Утопическое сознание было характерно преимущественно для второй половины века, вошедшей в историю как Екатерининская эпоха. Особое место в «утопическом поле» русского Просвещения занимал «государственный утопизм» (термин В. Гуминского), разновидностью которого был утопизм градостроительный. Он находил свое отражение и в «градостроительной горячке» екатерининского царствования, «охватившей правительство» [Гуминский, с. 329]. Н. Хренов и К. Соколов видели в градостроительном утопизме характерную черту выхода «утопии за пределы компенсаторских, т. е. праздничных форм в саму реальность» [Хренов, Соколов, с. 148]. В подобных условиях само строительство городов, разбивка садов и парков приобретает символическое значение, т. к. «сознанием градостроителей владеет архетип преображения земли в сакральное пространство» [Там же, с. 149]. По мнению исследователей, таким образом при Екатерине было построено 216 городов.

«Градостроительная горячка», с одной стороны, как нельзя лучше соответствовала екатерининским проектам колонизационного движения на юг, которые касались освоения южных областей России, прежде всего, Крыма, легендарной античной Таврии. Таврия должна была рассматриваться как символ возрожденной в пределах Российской империи эллинской античности. Это повышало престиж Российской империи даже без господства над Константинополем, о котором в свое время Екатерина II мечтала вместе с Вольтером. С другой стороны, эта «горячка» позволяла реализовать античный идеал градостроения, понимаемый как альтернативный по отношению к традиционному российскому градостроению. Урбанизация, по словам Екатерины II, была ее второй манией после «закономании». Как следствие, «поднимаются новые города: Севастополь (греч. *σεβάσθη πόλις* «священный город»), Херсон, который должен был стать

вторым Петербургом, Екатеринослав — будущий центр мировой культуры» [Биллингтон, с. 580].

Само собой разумеется, что строиться новые города на юге России должны были по античным проектам. Так, «план» Екатеринослава, представленный Г. Потемкиным императрице, предполагал «...храм великолепный, судилище *наподобие древних базилик* (здесь и далее выделено мной. — Е. П.), лавки полукружием... *пропилей с биржею и театром посредине*, фабрика суконная и шелковая, губернаторский дом *во вкусе прелестных греческих зданий*, университет купно с академией музыкальной» (академия музыкальная в Греции — Одеон) [цит. по: Гуминский, с. 329]. По мнению светлейшего, «жители потекут сюда во множестве с избытками своими... и многие, увидев знаменитость нового города, возжелают учиниться жителями его» [Там же]. В результате перед нами предстает классическая архитектурная утопия, имеющая в качестве основания античный миф о «золотом веке».

Создавая подобный проект, Г. Потемкин, по справедливому мнению того же Гуминского, как бы не знал или, вернее, не хотел знать, что на самом деле города, строящиеся по его проектам, «должны были заселяться “огородниками”, перевезенными административным порядком из других мест обширной России» [Гуминский, с. 329]. В XIX в. в «заселении» этих «античных полисов» Светлейшего должны были принять участие, как мы помним, даже «мертвые души», приобретенные Чичиковым в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».

В случае с южными провинциями России государственный градостроительный утопизм оказался тесно связанным с двумя мифологическими проекциями, обусловившими его особенную привлекательность в ряду других утопий екатерининского царствования.

Во-первых, с культурной мифологией античной Греции, т. к. практически все северное побережье Черного моря (Понта Эвксинского) некогда было покрыто греческими городами — колониями, среди которых была Ольвия и Пантикопей, Херсонес и Танаис. Фактически бескровное завоевание легендарной Таврии, воспетой еще Еврипидом в трагедии «Ифигения в Тавриде», позволяло ощутить культурную преемственность с древней Элладой и повышало международный престиж России, ставшей ее наследницей.

Совсем не случайно Екатерина II писала принцу де Линю незадолго до своего знаменитого путешествия на юг России в 1787 г.: «Я повезу своих спутников в страну, которую, говорят, обитала некогда Ифигения. Одно название этой страны оживляет воображение, и поэтому нет такого рода измышлений, которые не распускались бы по поводу моего путешествия и пребывания в Тавриде» [Екатерина II, 1880, с. 378–379]. Р. С. Уортман справедливо писал: «Русская экспансия на юге была прославлена не только как проявление национального величия или отстаивания государственных интересов, но и как возрождение эллинской античности. Поэты использовали древнегреческие референты для прославления завоеваний на юге. И. Богданович отождествил Очаков с Грецией, Россию с Ахиллесом, а победы над турками — с новой Троей. В 1780-е годы Екатерина разработала “греческий проект” — восстановление русскими Греции с центром в Константинополе <...> Константином окрестили второго внука Екатерины,

предназначая его к правлению новой империей. На обратной стороне медали, вычеканенной к рождению Константина, был изображен собор св. Софии. Его кормилица, слуги и друзья раннего детства были греками» [Уортман, с. 188–189]. Не менее важным было наполнение греческой эвтопии героическим содержанием. В свое время Вольтер сравнивал Екатерину II с царицей амазонок Фалестрой. В начале своего царствования Екатерина II «несколько лет умело разыгрывала образ “амазонки на троне”» [Проскурина, с. 15]. Г. Потемкин приказал создать к приезду Екатерины II в Крым «амазонскую роту», составленную из гречанок, которая должна была приветствовать свою царицу. Такое повеление было отдано подполковнику Бакалаврского греческого полка Чапони. Г. Дуси написал «Записку об амазонской роте», составленную со слов 19-летней начальницы роты Е. Сарандовой, которая была в это время женой старшего капитана Бакалаврского полка. Под началом Е. Сарандовой собралось 100 дам в наряде «крымских амазонок», который составляли «юпки из малинового бархата, обшитые золотым галуном и золотою бахромой, курточки зеленого бархата, обшитые также золотым галуном; на голове тюрбаны из белой дымки, вышитые золотом и блестками, с белыми страусиновыми перьями. Вооружение состояло из одного ружья и трех патронов пороху» [Записка, с. 267]. При встрече «царицы амазонок» с «амазонской ротой» произошло следующее: «Потемкин, вышедши из кареты, просил позволения у Государыни стрелять Амазонской роте, встретившей Ее. Она запретила, и, подозревая чрез переводчика Таврено начальника их, Сарандову, подала ей руку, поцеловала в лоб, и, потрепав по плечу, сказала: “Поздравляю вас, Амазонский Капитан, — ваша рота исправна, — Я ею очень довольна”. Потемкин торжественно радовался» [Там же, с. 268]. Впоследствии Екатерина II прислала Сарандовой из Акмечета (впоследствии Симферополя. — Е. П.) свое монаршее благоволение и бриллиантовый перстень, остальные дамы, составлявшие амазонскую роту, получили награждение 10 000 руб.

Вторая мифологическая проекция, связанная с южными провинциями, была обусловлена их благоприятным географическим положением, позволившим практически сразу отождествить эти вновь завоеванные Россией земли с Эдемом, прекрасным садом, заставляющим вспомнить мифологему золотого века. Не случайно А. Зорин, говоря о «Крымском мифе» в русской культуре 1790–1790-х гг., назвал его «Эдем в Тавриде» [Зорин]. Хотя, с другой стороны, нельзя не признать справедливости и такого замечания исследователя: «Райские мотивы, кажется, являются непрямым атрибутом имперских утопий — стоит вспомнить, с каким упорством Петр именовал Парадизом полюбившиеся ему болота Ингерманландии» [Там же, с. 114]. Однако природа Крыма, безусловно, с большим основанием соответствовала реалиям «райской топики». Достаточно обратиться к письмам Екатерины II к графу Я. А. Брюсу, в которых императрица восхищается климатом новых земель империи. Так, в письме от 4 мая по пути в Херсон императрица пишет: «Здесьний климат почитаю лучшим в империи, здесь без изъятия все фруктовые деревья растут на вольном воздухе, я сроду не видала грушевые деревья величиной с самого большого и толстого дуба, воздух самый приятнейший» [цит. по: Зорин, с. 114]. В письме от 14 мая уже из Херсона Екатерина опять возвращается к этой теме: «Херсон почитать можно между

самыми лучшими городами нашими. Сие дитя много обещает, где сажают, тут все растет, где пашут, тут изобилие, строение все каменное, мы жары по сю пору не чувствуем, все здоровы, здешние люди большого вида не имеют... людство великое и стечение людей со всех краев, наипаче же все полуденные» [Зорин, с. 114]. Чем не картина цветущего золотого века!

С градостроительной утопией южных провинций последней трети XVIII в. неразрывно связан феномен «потемкинских деревень», о которых А. М. Панченко отзывался как о культурном мифе, придуманном посланниками европейских государств и врагами Г. Потемкина для дискредитации путешествия Екатерины II на юг. Исследователь писал: «За скепсисом относительно “потемкинских деревень” скрывался страх, что Россия сумеет осуществить свои грандиозные планы. В этой среде и появился миф о “потемкинских деревнях”» [Панченко, с. 699]. В действительности подобный смысл можно найти в очень небольшом количестве мемуарно-эпистолярных текстов эпохи, например, в записках графа Л.-Ф. Сегюра, который очень подробно описал путешествие Екатерины II на юг, подчеркивая его грандиозность и... иллюзорность. Так, уже в Киеве Сегюр констатирует: «Весь Восток собрался здесь, чтобы увидеть новую Семирамиду, собирающую дань удивления всех монархов Запада. *Это было какое-то волшебное зрелище*, где, казалось, сочеталась старина с новизной, просвещение с варварством, где бросалась в глаза противоположность нравов, лиц, одежд самых разнообразных» [Сегюр, с. 416]. Во время путешествия по Днепру: «Города, деревни, усадьбы, а иногда и простые хижины так были изукрашены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, *что вид их обманывал взор*, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами» [Там же, с. 439]. Однако даже Сегюр отдавал себе отчет в том, что не все «потемкинские деревни» представляют собой иллюзию от начала и до конца. На многих из них лежит отпечаток реальной деятельности Светлейшего. «Потемкин, необыкновенный всегда и во всем, явился здесь столько деятельным, сколько был ленив в Петербурге. Как будто какими-то чарами умел он преодолевать всевозможные препятствия, побеждать природу, сокращать расстояния, скрывать недостатки, обманывать зрение там, где были лишь однообразно песчаные равнины, дать пищу уму на пространстве долгого пути и придать вид жизни степям и пустыням» [Там же, с. 444]. Поэтому Сегюр не может не признать, что «*если бы и снять искусственную оболочку с его созданий*, то осталось бы все-таки много существенного. Когда он принял в управление эти огромные области, в них было только 204 000 жителей, а под его управлением население в несколько лет возросло до 800 000» [Там же, с. 445]. В XIX в. миф о «потемкинских деревнях» был поддержан авторитетом Ж. де Сталь, которая в своей книге воспоминаний «Десять лет в изгнании» ассоциировала все русские празднества с волшебством «Тысячи и одной ночи». В результате «многие из этих прекрасных зданий были построены для праздника, они должны блистать всего один день» [Сталь, с. 485]. А. Ф. Строев был склонен отождествлять эту мифологическую составляющую «потемкинских деревень» с «театральной феерией», которая мыслится им в качестве антитезы утопии. Исследователь уточняет, что утопическое сознание «рисует мир таким, каким он должен стать, будущее

опрокидывается в настоящее. Если автор настроен более скептически, то возникает тема театральной феерии» [Строев, с. 19].

Тем не менее, нельзя не констатировать, что в большинстве свидетельств «самовидцев», например, в «Отрывках из дневника и переписки» принца К. Г. Нассау-Зиген, «Письмах из Крыма» графа К. фон Людольфа, «Переписке английского посланника при Екатерине II лорда Мальмсбери, Д. Гарриса» феномену потемкинских деревень придается ярко выраженное утопическое значение. Так, для принца К.-Г. Нассау-Зигена характерна сознательная установка мемуариста на визуальное восприятие прекрасного зрелища (или зрелищ, открывающихся перед ним). Этот внешний антураж прекрасной утопии, устроенной «ленивцем» Г. Потемкиным, создавал человек, готовящийся поступить на русскую службу и, следовательно, почти обязанный с чувством описывать те «потемкинские деревни», которые вызывали у достаточно скептического графа де Сегюра естественное недоверие.

Вот как, например, принц описывает встречу, устроенную императрице и ее спутникам в Киеве 3 мая 1787 г.: «Пальба из крепостных орудий, возгласы народа, толпившегося на берегу, лодки, наполненные дамами и музыкантами, — все это, в соединении с прекраснейшей погодой, представляло восхитительное зрелище» [Нассау-Зиген, с. 287]. Не менее восхитительным зрелищем оказывается вид трех тысяч донских казаков со своим атаманом, ватага которых «пустилась вскачь, мимо нашей кареты, со своим обычным гиканьем. Равнина мгновенно покрылась солдатами и представляла воинственную картину, способную всякого воодушевить» [Там же, с. 291]. Ночью во время пребывания Екатерины II в Бахчисарайском дворце «все горы, окружающие город, и все дома, расположенные амфитеатром, были иллюминированы многочисленными огнями; *зрелище было великолепное*» [Там же, с. 295]. Осмотр русской эскадры, стоящей в гавани и приветствовавшей императрицу тремя залпами, характеризуется принцем так: «это было великолепно» [Там же], описание «роскошного» фейерверка в Карасубазаре, устроенного Г. Потемкиным, — «...я никогда не видел такого великолепия!» [Там же, с. 298].

Отношение к «потемкинским деревням» как к утопии разделяют и современные исследователи этой проблемы. Так, американский исследователь Р. С. Уортман замечает, что «сценические эффекты разрисованных городов и поющих крестьян по берегам Днепра воспроизводили “евтопический” язык екатерининского двора: видение преобразований прославлялось, как будто они уже были осуществлены» [Уортман, с. 194].

При этом граф К. фон Людольф в «Письмах из Крыма» 1787 г. пишет о «волшебной палочке» князя Г. Потемкина, «которая повсюду создает дворцы и города. Палочка князя Потемкина всемогущественна, но она ложится тяжелым бременем на Россию» [Людольф, с. 170]. Склонность Светлейшего к химерам была хорошо известна и русским писателям. Когда Г. Р. Державин в «Фелице» характеризовал его взгляды на мир как «кружу в химерах мысль мою» [Державин, 1957, с. 98], он недалеко отходил от реальности. Тем более что дальше в оде выстраивается ряд классических государственных утопий Потемкина, о которых современники были, конечно, наслышаны: «То плен от персов похищаю,

то стрелы к туркам обращаю, То, возмечтав, что я султан, Вселенну устрашаю взглядом» [Державин, 1957, с. 98]. На практике Г. Потемкин всерьез задумывался об овладении Дарданеллами. В своем «Мнении кн. Потемкина об овладении Дарданеллами», написанном в 1783 г., он подробнейшим образом обсуждает вопрос об отправлении флота в Архипелаг в результате чего «все мы будем иметь свободу на Черном море» [Потемкин, с. 453]. Светлейший пишет: «Я не смею сказать, а думаю, что бы мешало секретнейшим образом соединить эскадры, кои теперь в походе, и послать, под видом прикрытия торговли, в Архипелаг и, пока турки еще не готовы, пройти в Черное море; тогда бы уже в Архипелаг нужды не было посылать другого флота. Но сие может быть *мои бредни*» [Там же, с. 454]. На этих красноречивых словах «Мнение» Потемкина прерывается.

Императрица Екатерина II, говоря о своем крымском путешествии, по причинам политической целесообразности отрицала его утопический смысл. Например, в письме к И. Циммерману от 1 июля 1787 г. она почти искренно недоумевает: «Не знаю, почему люди утруждают себя говорить об этом путешествии слишком много хорошего или слишком много дурного. Оно проектировалось уже три года тому назад, с целью рассеять ипохондрию, которую радикально исцелила ваша книга “Об уединении” <...> Всему этому люди вздумали придать вид поездки романической, живописной, героически-комической и приписали ей такое значение, какого я и не воображала, что она будет иметь» [Екатерина II, 1887, с. 288]. В письме от 3 декабря 1787 г. императрица опять возвращается к своей поездке в Крым. Она пишет: «Я проехала по Таврической губернии с такою быстротой, мне столько надобно было видеть и я окружена таким приятным обществом, что мне некогда было предаваться тем размышлениям, какие могла возбудить во мне эта страна, столь же богатая событиями, как и плодородная <...> Признаюсь, этих новых жителей Крыма легко удовлетворить, если одна улыбка доставила им такое удовольствие. Если бы благоденствие разливалось по стране посредством веселия, то это путешествие сделало бы многих счастливыми, ибо трудно совершить поездку более веселую и в более приятной компании» [Там же, с. 291]. Однако эта эпистолярная скромность императрицы не подтверждается свидетельствами мемуарно-эпистолярной литературы ее современников, как в России, так и в Европе.

Так, в 1783 г. анонимный автор-итальянец писал: «В то время выгоды, приобретенные Екатериною II при заключении мира в Кайнарджи, внушали гордость этой государыне, *склонной, по природе, к блестящим замыслам*. Человек, предлагавший обширные предприятия, мог, наверное, рассчитывать на ее благорасположение, а таким являлся человек, близкий ее сердцу (Потемкин. — *Е. П.*) и который обладал дарованиями, способными вести политическую нить труднейших интриг» [Изображение и характеристика лиц, с. 116]. О грандиозных замыслах Екатерины II часто вспоминал в своих записках ее статс-секретарь Г. Р. Державин: «...вырывались также иногда у нее внезапно речи, глубину души ее обнаруживавшие. Например: “Ежели б я прожила 200 лет, то бы конечно вся Европа подвержена б была Росийскому скипетру”» [Державин, 2000, с. 143]. Или: «Я не умру без того, пока не выгоню Турков из Европы, не усмирю гордость Китая и с Индией не осную торговлю» [Там же]. В другом месте Державин отмечал, что Екатерина «упоена была

славою своих побед, то уже ни о чем другом и не думала, как только о покорении скипетру своему новых царств» [Державин, 2000, с. 151]. С этим заключением Державина был вполне согласен современный исследователь А. М. Песков, который так характеризовал государственную деятельность Екатерины II: «У нее были две генеральные цели и одна идея. Цели были практические: не потерять власть и не впасть в зависимость от своих спасителей. Идея была утопическая: сделать Россию первенствующей европейской державой» [Песков, с. 195].

В 1779 г. английский посланник в России Д. Гаррис лорд Мальмсбери так говорил об утопических проектах Светлейшего и императрицы (24 мая 1779) в своих письмах на родину: «Князь Потемкин мало обращает внимания на политику западной Европы: мысли его постоянно заняты планом основания новой империи на Востоке. Императрица до такой степени разделяет это намерение, что, гонясь за своей мечтой, она уже назвала новорожденного великого князя Константином, определила к нему в няньки гречанку, по имени Елену, и в близком кругу говорит о возведении его на престол Восточной империи. Между тем она строит в Царском Селе город, который будет называться Константинополем» [Гаррис, с. 154]. В этом же письме, передавая впечатление о настроениях русского двора, он добавлял: «Теперь преобладающею мыслью (затмевающею все остальные) является основание новой империи на Востоке, в Афинах или в Константинополе [Там же, с. 155]. Гаррис называет подобные настроения русского двора «романической идеей» и повествует о своем разговоре с императрицей «о древних греках, об их искусстве и превосходстве их способностей; а так как этот же характер замечается и в новых греках, то она считает для них вполне возможным снова достигнуть первенства между народами, если только им будет оказана помощь и поддержка» [Там же]. Как видим, переписка с Вольтером и его эллинофильские химеры конца 1760-х гг. не прошли для Екатерины II даром! Государственный утопизм встал в России на повестку дня.

Однако этим грандиозным утопическим проектам не суждено было избежать дистопического финала, также нашедшего свое отражение в мемуарно-эпистолярной литературе. К примеру, Ш. Массон, французский эмигрант, в целом достаточно доброжелательно относившийся к императрице Екатерине II, приютившей его в России, не только показал в своих записках механизм функционирования государственного утопизма в России эпохи Просвещения, но и его фактический крах еще при жизни «северной Семирамиды». Ш. Массон писал: «Перед смертью Екатерины большая часть памятников ее царствования уже находилась в руинах: законодательство, новые поселения, воспитание, учреждения, фабрики, здания, больницы, каналы, города, крепости — все было лишь начато и оставлено прежде, нежели окончено. *Как только очередной проект рождался в ее голове, она бросала все остальное, чтобы заниматься единственно им до тех пор, пока новая идея не увлекала ее.* <...> Подрядчики и архитекторы крали деньги, а Екатерина, имея план или медаль у себя в кабинете, верила, что постройка закончена, и более ей не интересовалась» [Массон, с. 55–56]. Последняя фраза Ш. Массона очень точно передает специфику утопического мышления как такового, для которого главное — план, а не его конкретная реализация, начало пути, но не его завершение.

Далее Ш. Массон переходит непосредственно к «градостроительной горячке»: «Петербургский альманах называет более двухсот сорока городов, основанных Екатериной <...> Многие из этих городов — просто столбы, где написано их название и указано их будущее местоположение. *В ожидании, пока они будут застроены и в особенности заселены*, они фигурируют на картах России как центры будущих епархий» [Массон, с. 57]. Эта мания Екатерины II все делать вчерне, ничего не доводя до конца, дала возможность австрийскому императору Иосифу II в записках Ш. Массона проявить царственное остроумие. Во время путешествия по Тавриде Екатерина II пригласила его присоединиться к церемонии основания города Екатеринослава, «первый камень которого она только что заложила с большой торжественностью <...> По возвращении Иосиф сказал: “Вместе с русской императрицей я свершил в один день великое дело: она положила первый камень города, а я — последний”» [Там же, с. 56–57]. Н. Хренов и К. Соколов имели все основания сказать: «Утопическая реальность городской архитектуры, особенно столичной, была сама по себе, а реальность бытия русских людей была далека от утопии» [Хренов, Соколов, с. 150]. И сами ее участники в душе это хорошо понимали.

Поэтому «стиль грандиозари», так явственно проявляющий себя не только в одах и поэмах эпохи, но даже в мемуарах и официальной государственной переписке Екатерининской эпохи, отступает на второй план в дружеской переписке, которую русская императрица вела с избранными респондентами. Например, с г-жой И.-Д. Бьельке, с которой Екатерина II была знакома с 14 лет. В письме от 30 июня 1775 г. по поводу заключения мира с Портой русская императрица, вполне презрев риторику государственного утопизма, пишет: «Через десять дней начнутся наши празднества в честь мира. Я не пожелала воздвигать никаких храмов, ни Минерве, ни Янусу, ни черту и его бабушке; но у нас будет представлено на твердой земле Черное море со всеми приобретениями России, и так как это будет награвировано, то один из оттисков я пришлю Вам, и подобный праздник даст еще тот, кто будет в состоянии» [Екатерина II, 2007, с. 357].

И все же говоря в целом о пространстве государственного утопизма, нельзя не согласиться с мнением М. Ю. Савельевой, что утопия при всей ее парадности и фасадности представляет собой «пространство Божественного пребывания, осуществленную мечту царя и Бога и осмысленную смертными усилиями граждан, принесших свою личность в жертву Совершенству» [Савельева, с. 140]. Для российского культурного и литературного пространства последующих веков Крым-Таврида будет ассоциироваться не столько с пафосом торжествующей государственности путешествия Екатерины II, сколько с мифологией поэтической античной Тавриды, воспетой А. Пушкиным и К. Батюшковым, П. Вяземским и В. Бенедиктовым, Д. Минаевым и А. Толстым, М. Цветаевой и М. Волошиным. «Уход из Крыма» 1920 г. нашел свое трагическое отражение в русской эмигрантской поэзии 1920–1930-х гг. (В. Смоленский, Н. Тuroверов, Н. Евсеев, Б. Поплавский). В XX в. на смену поэтической Тавриде приходит «крымский текст», в создании которого принимает участие абсолютное большинство российских/советских поэтов: А. Ахматова со своими «крымскими сонетами», И. Бродский с его зимним вечером в Ялте, Б. Ахмадулина, вступающая в пререканье с Крымом;

«Запах крови и йода, летящий с ночных Сивашей» из «Костров» В. Луговского дополняется «сонным Крымом» Н. Заболоцкого; «Старый Крым» Вс. Рождественского, наполненный памятью об А. Грине, соседствует с памятью о крымском солнце Р. Рождественского.

Однако всех этих текстов могло и не быть, если бы в 1787 г. императрица Екатерина II не совершила своего путешествия в страну, где «обитала некогда Ифигения», и которая вошла в историю XVIII столетия под именем российской Тавриды.

Биллингтон Д. Х. Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. 880 с. [Billington D. X. Ikona i torop: opyt istolkovaniya istorii russkoj kul'tury. M., 2001. 880 s.]

Гаррис Д. Переписка английского посланника при Екатерине II лорда Мальмсбери, Д. Гарриса за 1778–1783 // Рус. архив. 1874. Кн. 2. № 7. С. 143–186. [Garris D. Perepiska anglijskogo poslannika pri Ekaterine II lorda Mal'msberi, D. Garrisa za 1778–1783 // Rus. arxiv. 1874. Kn. 2. № 7. S. 143–186.]

Гуминский В. О русской фантастике (послесловие) // Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX в. М., 1977. С. 320–334. [Guminskij V. O russkoj fantastike (posleslovie) // Vzgljad skvoz' stoletiya. Russkaya fantastika XVIII i pervoj poloviny XIX v. M., 1977. S. 320–334.]

Екатерина II. Письмо принцу де Линю // Сб. Имп. Рус. ист. о-ва. Вып. 12. СПб., 1880. С. 378–379. [Ekaterina II. Pis'mo princu de Linyu // Sb. Imp. Rus. ist. o-va. Vyp. 12. Spb., 1880. S. 378–379.]

Екатерина II. Письма к И. Циммерману // Рус. старина. 1887. Т. 55. № 7. С. 279–320. [Ekaterina II. Pis'ma k I. Cimmermanu // Rus. starina. 1887. T. 55. № 7. S. 279–320.]

Екатерина II. Письма Екатерины II к Иоганне Доротее Бельке // Екатерина II. Фасад и задворки империи / Г. С. Винский, Д. Б. Мертваго, Екатерина II. М., 2007. 416 с. [Ekaterina II. Pis'ma Ekateriny II k Ioganne Dorotee B'el'ke // Ekaterina II. Fasad i zadvorki imperii / G. S. Vinskij, D. B. Mertvago, Ekaterina II. M., 2007. 416 s.]

Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. 469 с. [Derzhavin G. R. Stixotvoreniya. L., 1957. 469 s.]

Державин Г. Р. Записки (1743–1816). М., 2000. 336 с. [Derzhavin G. R. Zapiski (1743–1816). M., 2000. 336 s.]

Записка об амазонской роте [записал Г. Дуси] // Москвитянин. 1844. № 1. С. 266–268. [Zapiska ob amazonskoj rote [zapisal G. Dusi] // Moskvityanin. 1844. № 1. S. 266–268.]

Зорин А. Л. «Корма двуглавого орла»: Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. 416 с. [Zorin A. L. «Kormya dvuglavogo orla»: Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii poslednej treti XVIII — pervoj treti XIX veka. M., 2001. 416 s.]

Изображение и характеристика лиц, занимающих первые и главные места при Петербургском дворе (1783) // Рус. архив. 1875. Кн. 2. Вып. 6. С. 113–125. [Izobrazhenie i karakteristika lic, zanimayushhix pervye i glavnye mesta pri Peterburgskom dvore (1783) // Rus. arxiv. 1875. Kn. 2. Vyp. 6. S. 113–125.]

Людольф К. фон. Письма из Крыма // Рус. обозрение. 1892. март. Т. 2. С. 155–201. [Lyudol'f K. fon. Pis'ma iz Kryma // Rus. obozrenie. 1892. mart. T. 2. S. 155–201.]

Массон Ш. Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правления Павла. М., 1996. 208 с. [Masson Sh. Sekretnye zapiski o Rossii, i v chastnosti o konce carstvovaniya Ekateriny II i pravleniya Pavla. M., 1996. 208 s.]

Нассау-Зиген К.-Г. Императрица Екатерина II в Крыму. 1787 (отрывок из дневника и переписка) // Рус. старина. 1893. Т. 80. № 11. С. 283–299. [Nassau-Zigen K.-G. Imperatrica Ekaterina II v Krymu. 1787 (otryvok iz dnevnika i perepiska) // Rus. starina. 1893. T. 80. № 11. S. 283–299.]

Панченко А. М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // Из истории русской культуры XVIII — нач. XIX в.: в 5 т. Т. 4. М., 1996. С. 685–701. [Panchenko A. M. «Potemkinskie derevni» kak kul'turnyj mif // Iz istorii russkoj kul'tury XVIII — nach. XIX v.: v 5 t. T. 4. M., 1996. S. 685–701.]

Песков А. М. Павел I. М., 2005. 422 с. [Peskov A. M. Pavel I. M., 2005. 422 s.]

Потемкин Г. А. Мнение князя Потемкина об овладении Дарданеллами // Рус. старина. 1878. Т. 22. № 7. С. 449–454. [Potemkin G. A. Mnenie knyazyza Potemkina ob ovladenii Dardanellami // Rus. starina. 1878. T. 22. № 7. S. 449–454.]

Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. 328 с. [Proskurina V. Mify imperii: Literatura i vlast' v e'poxu Ekateriny II. M., 2006. 328 s.]

Савельева М. Ю. Мифическое основание «утопического априори» просвещенного абсолютизма // Философский век : альманах. СПб., 2000. Вып. 13. С. 127–143. [Savel'eva M. Yu. Mificheskoe osnovanie «utopicheskogo apriori» prosveshhennogo absolyutizma // Filosofskij vek : al'manax. SPb., 2000. Vyp. 13. S. 127–143.]

Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. 313–457. [Segyur L.-F. Zapiski o prebyvanii v Rossii v carstvovanie Ekateriny II // Rossiya XVIII veka glazami inostrancev. L., 1989. 313–457.]

Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. М., 2003. 532 с. [Stal' Zh. de. Desyat' let v izgnanii. M., 2003. 532 s.]

Строев А. Россия глазами французов XVIII — начала XIX века // Логос. 1999. № 8. С. 8–41. [Stroev A. Rossiya glazami francuzov XVIII — nachala XIX veka // Logos. 1999. № 8. S. 8–41.]

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: от Петра Великого до смерти Николая I : в 2 т. Т. 1. М., 2002. 605 с. [Uortman R. S. Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarхии: ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I : v 2 t. T. 1. M., 2002. 605 s.]

Устинов Д. В., Веселова А. Ю. «Утопия как деятельность» в русской культуре II половины XVIII в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. История, языкознание, литература. 1998. № 1. С. 77–85. [Ustinov D. V., Veselova A. Yu. «Utopiya kak deyatel'nost'» v russkoj kul'ture II poloviny XVIII v. // Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. Istorija, yazykoznanie, literatura. 1998. № 1. S. 77–85.]

Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультура, картина мира, ментальность). СПб., 2001. 809 с. [Xrenov N. A., Sokolov K. B. Xudozhestvennaya zhizn' imperatorskoj Rossii (subkul'tura, kartina mira, mental'nost'). SPb., 2001. 809 s.]

Статья поступила в редакцию 01.07.2014 г.